

Оглавление

«ВОЛЬНЫЕ БЕРЕГА» - 2017.....	1
Александр Курагин.....	1
Элен Долина.....	2
Игорь Власенко.....	2
Александр Курагин.....	5
Жанна Германович.....	6
Кристина Саушкина.....	11
Ирина Коробкина.....	12
Светлана Макова.....	12
Валентин Рогачёв.....	12
Лариса Горюшкина.....	13
Олег Суздалев.....	14

Александр Курагин

Мы еще соберем наши роты

Я солдатскую ляжку тянул в беззаботные годы.
Улеглось на Синае и тлел потихоньку Афган.
В нашей шумной казарме намешано было народу,
Слева спал Паулаускас, справа храпел Абрамян.
Сзади Требеш, во сне, на молдавском частил пулемётом,
Маматкулов, каптёр, разбирал барахло допоздна.
И вот эту большую «страну», нашу пятую роту,
Поднимал поутру беспощадный Лушпай, старшина.
Я два года исправно в мишенях искал супостатов.
В это трудно поверить, фанерными были враги.
А в победные тридцать, в ликующем семьдесят пятом,
В батальонной коробке на совесть печатал шаги!
Но уже на гражданке, когда запылились погоны,
Мой парадный мундир был запрятан в семейный музей.
«Покатилась» страна, очень быстро нашлись миллионы
Независимых, гордых, уже не советских людей.
Полной миской, с добавкой досталось нам мутной похлёбки.
Щедро дурь разлилась, от квартир до кремлёвских палат.

В электричках сивушных, нахально, цинично и ловко,
С офицеров фуражки сбивали под хохот и мат.

А в голодных частях собирали буквально поротно,
Тех, кто просто умел или знал, как держать автомат.
Из копейных вёдер паяли гробы для «двухсотых»...
Отменили на площади главной военный парад.

Это были воистину новые смутные годы,
Хоть орлы золотые сверкали на башнях Кремля.
Обнищавши, спивались деревни, посёлки, народы.
И пустела, скудела российская наша земля...

Я сижу за столом перед строгим армейским портретом,
Отставной замполит, постаревший, седой по годам.
Мы ещё соберём наши роты по старым военным билетам,
И придётся ответить за всё не фанерным врагам.

Элен Долина

Ромашки

Нет сестёр у меня. Есть одни только братья
Пацанята когда-то, теперь мужики
Умудрилась от них все плохое вобрать я
Тут и юмор, и маты, и крепость руки

Так наивна была, что, подобная губке,
Пропускала насквозь нефильтрованный мир
Босоножки, сережки, припухшие губки...
А еще поиск смысла и Тайсон кумир

Лишь у самого дна, среди злобы и скуки
Меж побоев, больниц, нерожденных детей
Есть букетик ромашек, протянутый в руки
Первым мальчиком в бешеной жизни моей

Ну и пусть. Я теперь не прощаю промашек
Не спускаю обид и не плачу во сне
Обрываются дни лепестками ромашек
Их немного осталось, подаренных мне...

Игорь Власенко

Ем уток...

Здесь Интернета нет, и связи тоже нет.

Я нахожусь вне зоны поражения.
И вот уже с десятков добрых лет
Совсем один, вне всякого движенья
Не электрический я зажигаю свет.

По-вашему, я здесь сошёл с ума,
Зато я трезвый приобрёл рассудок.
Я с отрубями ем умнейших диких уток
И я могу в любое время суток
Залезть в души большие закрома.

Я научился понимать язык зверей.
Они правы, вне всякого сомненья,
Что сторонятся городских огней.
Правы бобры во время наводненья,
Свои плоты сгрызая поскорей.

Но не подумайте, что я полнейший псих.
Когда осеннее проходит обостренье,
Я даже узнаю людей живых.
Я им даю формат мировоззренья
И кроху веры, как последний штрих.

Но только тем, кто принимает сам.
А что до тех, кто в чудеса не верит,
Не верит даже собственным глазам,
Для тех всегда закрыты будут двери
И недоступен неприступный храм.

Сказать по правде, я уже давно
Стараюсь не смотреть на ваши мысли -
Не перспективно это и грешно,
Хоть любопытно, в некотором смысле:
Все люди разные, а в головах одно.

Ведь очевидных вы не видите вещей,
Почти никто и ничего не понимает
И не желает мыслить вообще.
Мир иллюзорный вам дороже станет,
Да что там станет? Он им стал уже.

Размыты грани, рамок больше нет.
Скотину с геем обвенчали в храме,
Эфир накрыли мрак и полный бред,
О Боге слова в школьной нет программе,
Чем и исполнен Ленинский завет.

Прорыв глобальный в бездну устремлён
И у последней церкви нет пророка.
Дух ожиревшей плотью умерщвлён,
Конца времён никто не знает срока
И нет начала у конца времён.

Что ты способен в мире изменить,
Как истину постичь, себя не зная?

Тебя твоей судьбы приводит нить
Куда ты плыл - тут логика простая.
И от души своей грехов не утаить.
Воруй, работай, головой трудись -
Земные приумножатся богатства
И твой любой исполнится каприз.
Но как войти с богатством в Божье царство?
Оно тебя всегда потянет вниз.
Сама к тебе не сдвинется гора,
Сухой песок не выжмется из камня.
И знай: когда придет твоя пора,
Ты сам не устоишь на райских ставнях,
Фундамент не поколебишь Петра.
В желаньях осторожен будь своих.
Прося у Бога, знай к чему стремиться.
Молись один с усердьем семерых,
Покайся. И небесная Царица
Аморфом смоеет след грехов твоих.
Сухую кашу кушай на обед,
Живи себе спокойно в чёрном теле,
Укутайся в потёрты старый плед.
Ты ищешь истину? Ну что ты, в самом деле?
Её во внешнем мире просто нет!
Разбейся хоть на тысячу частей,
Крупницы истины не соберёшь осколки -
Их растащило полчище чертей.
И только гений с разумом ребёнка
Весь мир воспринимает без затей.
Ведь всю мозаику в жизни не собрать.
Картину можно видеть только в целом -
В тот миг, когда нисходит благодать,
Увидишь ты такое в свете белом,
Что никому не сможешь передать.
Уйти туда, где Интернета нет,
Побыть с самим собой в уединенье,
Зажечь в себе исконный Божий свет,
Познать себя - и обрести спасенье,
И тем Христа исполнится завет.
А здесь я, под Архангельском, один.
Нет на меня всевидящего ока.
И до последних выпавших седин
До Бога я иду своей дорогой,
Предстать пред Ним как нищий паладин.

Александр Курагин

Северный посёлок на Камчатке

Северный посёлок на Камчатке,
В устье зашугованной реки.
У медпункта, как по разнарядке,
Собрались с рассветом мужики.

Старый фельдшер выглядел устало,
Он с больным промучился всю ночь.
«Всё, что смог... И дело лишь за малым:
Отвести в район, здесь не помочь...»

«Как в район? Пуржит вторые сутки!» –
Загалдел взволнованно народ.
«Даже пса не выгонишь из будки!
Не пройдёт тяжёлый вездеход».

Дед Матвей в разгаре суматохи,
По старинке нюхая табак,
Пробурчал: «Ну, коль дела так плохи –
Выводи, народ, своих собак.

На упряжках ездил я когда-то
И дороги знаю все окрест.
Ну, а что силёнок маловато –
Бог не выдаст и свинья не съест!»

Но не в масть легла сегодня карта,
Так трянуло, что пробил озноб.
Кувырнулась старенькая нарта,
Неуклюже врезавшись в сугроб.

Злобный ветер тешился во мраке,
Но двоих беспомощных в пургу
Грели поселковые собаки,
Окружив телами на снегу.

Недоступна зимняя дорога –
Замело снегами перевал...
Пар густой струился над сугробом,
Словно знак кому-то подавал.

С высоты искали эти знаки,
Круг за кругом делая облёт.

Но людей опять спасли собаки,
Радостно облаив вертолёт.

Жанна Германович

ЛЕГЕНДА О КЛЮЧЕВСКОЙ СОПКЕ

По мотивам одноименной легенды С. Вахрина

Часть первая

I

Янтарь истории по праву
Оберегают Листвяги.
Как учинил тойон расправу
Обскажут сляча, топляки.
 Игрою искр восстанет древность,
 Возжжёт фантомы костерок.
 И хороводы барельефов
 Вплывут в казацкий острожок.
Предстанут горе-персонажи
Не нами привранных легенд,
И опадут личины сажей
В изгибы чёрно-белых лент.

II

Долина слухами богата,
Как незабудками елань.
Бурлят ключи: «Явилась Атхлах!
Лицом – Венера, станом – лань!»
 Шаман сзывает ительменов:
 «Гласит пророчество: молодой
 Прослыть супругою Кыена
 И пасть от злобы. Удстой
Потомка племени Медведя
Взаимностью и да узрят,
Как усмиряет норов зверя
Любви знамение – дунат».
 Сплетают прочно судьбы духи,
 Ведёт возлюбленных Арктур.
 Но войско туч, свинцом гнетущих,
 Видать на подступах... вприщур.

III

Кыен из гордых ительменов,
Хитёр, отважен, сердцем чист.
Но росс коварен! Покумекав:
«Ясак безбожникам влачить!»

В остроге житие вольготно:
Казаки молятся «доскам»,
Взимают дань, не чтут охоту,
Лупцуют спины смельчакам.

«Своим» и нарекли тойона:
Угодник Ашх – торговых дел
Заправский мастер, неуклонно
Пушиной и копейкой богател.
Взрастил сынов, царит в угодьях,
Стращать сородичей мастак:
«Запретны земли! Чур! Не скрою:
Гамулы в озерцах-бадьях

Трапезничают. Своеволья
Не дозволяют духи гор!
Довольствуйтесь, бедняги, хворью,
Казачьей дулей да ярмом!»
День ото дня одолевают
Кыена мыслей табуны.
Приметам счет – неурожаю
Случиться. Опустошены...

IV

Ясачный сбор прожорлив: властью
Припомнены долги дедов.
Христианин припал к распятью...
Кыен клянёт временщиков!
Испив отвар целебной чаги,
Пустился паря промышлять
(мехами славилась Камчатка).
Таится зверь. За пядью пядь...
Не пособляет перенога,
Сковал тайгу зловредник-лёд.
Не сыщешь живность. Лишь крестовка
Трофеем (пагуба грядёт...).

V

Смекнул охотник: «Вождь недаром
Побаски выдумал травить.
Я сыт отменно этим фарсом!»
Сбирается осуществить

Поверку. Сыновья тойона
С добычей знатною не раз
Вертались... Челядь удивленно:
«Знать, духи почитают вас!»

Упряжка мчит Кыена, вскоре
Проглянут пышные леса.
Затмилось солнце. Ливень хвои.
Крестом мелькнувшая лиса....
Супружница обряд свершает:
Не шьёт, не стряпает, жильё
Не прибрано. Грусть малахаем
Виски сдавила. Слезы льёт...

VI

В то время как... Кыен достигнул
Предел, поправ табу вождя,
Пейзаж мистический возникнул,
А жителями – соболя!
Божеств умиловил танцем.
Разверзлась бездна, и Туил –
Подземных бурь виновник, агнцем
Козейе юколы спросил:
«За щедроту, Кыен, охотно
Дремотой сопок отплачу!»
Светил трепещутся полотна.
Аборигены Кутха чтут.
Спешить не думает охотник,
Усердно юрту мастерит.
Ни сырь, ни хлад, ни гвалт вороний –
Ей нипочём! Освоен шифр –
Влекут следы, кишит добыча.
Восторгом опьянён Кыен:
«Зверья, как в неводе чавычи!
А юрта – оберег, кремь!»

VII

Кручина овладела парей,
Зовёт родимый очажок.
(В остроге толки тарабарят...)
Разлукой с Атхлах изнемог.
Добытчика жена встречает,
Из яств: солёнка, тульч... Чайка
С устатку. Счастье распирает:
«Провёл вождя наверняка!»

Задобрил духов, юрту сладил.
Долги погасим, заживём!
И не останемся внакладе».
Не тут-то было... Ашх-тойон
 Прознал о дерзости Кыена,
 Топочет, брызгает слюной:
 «Как ты осмелился, блаженный,
 Попрать запрет?! Так в летний зной
Вознагражу тебя по праву!»
И злобу в сердце затаил...
Для злоречивых смех – отравя,
Смеётся Атхлах! Ашх – немил!

VIII

Лососем полнится Камчатка.
«Чавычу видел! – голоском
Пичуга. – Просим столоваться!»
Медведи лакомятся впрок.
 Кыен рыбешку в балаганы
 И в ледники. И воздаёт
 Хвалу природе. Как внезапно
 Вонзился дротик, кровь – ручьём...
Пал ительмен! Из юрты Атхлах,
Заслышав сердцем сердца стон,
К любимому... Но мезтью Ашха
Поражена! Лес осквернён...

IX

Отмстил тойон (сбылось предвестье)
Руками подлецов-сынов.

Слагают ительмены песни
Длиною в жизнь...
А жизнь – любовь!

Часть вторая

I

Средь русских и аборигенов
Случались распри. Спасены
Предания, не выцвели легенды,
Звучат напевы старины.
 Манит поныне и чарует
 Камчатка пламенем судеб.

Поэты образы врачуют,
Графит истории окреп.
Шаманы ведают, что души
Бессмертны,
и как знать,
В потомках возродятся предки,
И солнцу бубном воссиять!

II

Отцовским мужеством взлелеян
Охотник Ильпх. Твердит молва:
«Наследник нищего семейства!»
Не знает скромность хвастовства.
 Застенчив, богатырской силой
 Не наделён. Красноречив.
 Средь русских – «ительмен-чудила».
 Злословье – заросли крапив.
В остроге важничал приказчик:
«Дочурка Любушка – краса!
Не счесть руки её просящих.
Очей пленяет бирюза!»
 Не ведал он, что Ильпх с Любовью
 Мерцаньем звезд обручены.
 Тоскливо пенье горловое.
 Подсказки посылают сны...

III

Приказчик в новолунье вздумал
В Якутске выдать замуж дочь
За сына воеводы. Шумно
В остроге: «Голодранец, прочь!
 Ни рухлядью тебе, ни златом
 Не вымолить её руки.
 Отведай кнут! Я дочь просватал!»
 Стегают Ильпха казаки...
Взмолилась Любушка, но тщетно...
Влепил пощёчину отец!
Упряжка мчится в лес запретный
От всех, от всех...

IV

Нехитрый скарб вместила нарта,
Собак торопят беглецы.

Звенит капель, середина марта,
В речушках плещутся гольцы.
Обманчив лёд... Вмиг поглотила
Упряжку бездна полыньи.
Ильпх борется, теряет силы...
Приют завидела вблизи
Любимая. Спасеньем юрта
Возникла – колдовство легенд!
(Кыену слава! Слава мудрым!)
Дровишек уйма в очаге.
Напрасны Любушки старанья,
Почил драгой... Охапки дров
В огонь безумная бросает,
А вслед себя, любовь и кров...

V

Не кануть в Лету персонажам,
Не погасить огонь любви!
С тех пор на месте юрты стражем
Пылает сопка и скорбит.

Кристина Саушкина

Синяя птица

В захолустном городишке,
Где-то у семи границ,
Втихаря вела делишки
Продавщица Синих Птиц.
Продавщица та на птицах
Процветала, как могла.
Ох уж эти нам границы,
Контрабандные дела!
Слухи шли – ни с Колорадо,
Ни с каких-то там Канар –
С Золотого Эльдорадо (!)
Привозил ей птиц корсар.
На рекламе вдохновенно
(для иных – по сердцу нож):
«Птицы, в общем-то, *бесценны*.
Понимай сие как хошь».
В этот странный городишко
Тёк народ из-за границ.
Всяк немалые деньжишки

Был готов отдать за птиц.
Без инфляций и обмана
Бизнес шёл и процветал -
Даром (как это ни странно)
Чудных птиц никто не брал...

Ирина Коробкина

Расскажу вам забавный стишок

Я сейчас расскажу вам забавный стишок.
Посадили мы с мамой орешки в горшок.
Вовсе, нет. Мы не крали орешки у белки...
Их нам бабушка все принесла... На тарелке.
А потом очень долго никто там не рос.
Даже мама сказала: "Я выброшу их... на мороз!"
А один испугался, и вылез из недр.
Снял он шляпку свою: "Здравствуйте! Я же - КЕДР!"

Светлана Макова

ПОКОРМИЛА ПРИБЛУДНУЮ КИСКУ

Покормила приبلудную киску,
Молока ей дала и сосиску.
Почесала лохматое брюшко,
Рассказала ей сказку на ушко.
В благодарность мохнатая кошка
Положила мне мышь на дорожку.

Валентин Рогачёв

МЫ ЕЩЕ СОБЕРЕМ НАШИ РОТЫ

Я солдатскую ляжку тянул в беззаботные годы.
Улеглось на Синае и тлел потихоньку Афган.
В нашей шумной казарме намешано было народу,
Слева спал Паулаускас, справа храпел Абрамян.
Сзади Требеш, во сне, на молдавском частил пулемётом,
Маматкулов, каптёр, разобрал барахло допоздна.
И вот эту большую «страну», нашу пятую роту,
Поднимал поутру беспощадный Лушпай, старшина.
Я два года исправно в мишенях искал супостатов.
В это трудно поверить, фанерными были враги.
А в победные тридцать, в ликующем семьдесят пятом,

В батальонной коробке на совесть печатал шаги!
Но уже на гражданке, когда запылились погоны,
Мой парадный мундир был запрятан в семейный музей.
«Покатилась» страна, очень быстро нашлись миллионы
Независимых, гордых, уже не советских людей.
Полной миской, с добавкой досталось нам мутной похлёбки.
Щедро дурь разлилась, от квартир до кремлёвских палат.
В электричках сивушных, нахально, цинично и ловко,
С офицеров фуражки сбивали под хохот и мат.
А в голодных частях собирали буквально поротно,
Тех, кто просто умел или знал, как держать автомат.
Из копеечных вёдер паяли гробы для «двухсотых»...
Отменили на площади главной военный парад.
Это были воистину новые смутные годы,
Хоть орлы золотые сверкали на башнях Кремля.
Обнищавши, спивались деревни, посёлки, народы.
И пустела, скудела российская наша земля...
Я сижу за столом перед строгим армейским портретом,
Отставной замполит, постаревший, седой по годам.
Мы ещё соберём наши роты по старым военным билетам,
И придётся ответить за всё не фанерным врагам.

Лариса Горюшкина

ПОРТНОЙ ПРИДУМАЛ СШИТЬ СТИХИ

Портной придумал сшить стихи:
Здесь ямб, хорей, немного прямо,
Возьмется рифма из кармана,
Наметки сделаем, штрихи.
Положим строчки под машинку,
Теперь все стянем по углам,
И в строчку – каждую резинку,
И вот – стихи на радость вам!
Придумал повар спечь стихи:
Здесь ямб, хорей – строка упряма!
Добавим сахар, полстакана.
На вкус не так уж и плохи.
Теперь бы, право, послить,
Или немного поперчить?
Добавим сахара опять,
Читатель чтоб не стал ругать!
Сапожник вздумал сшить стихи.
К хорю ямб и амфибрахий –
И голенища неплохи.
А испытал такие страхи!

Сапожнику опять нейдет:
А вдруг подошва оторвется?
Корова, да и та не съест.
В подошве крепче анапест!
У парикмахера в руках
Мечтает гребень о стихах.
Вопьется в волосы как вор –
Оставит ровенький пробор.
Всегда на радость брадобрею
Он верность отдавал хорею,
А ямб он просто обожал,
Он ямбом чаще и писал!
Лесник пилил в лесу дрова,
Вдруг заболела голова.
На пень присел, набраться сил –
Стихами лес заговорил.
Сиди, пиши на бересте,
Не думай, те или не те.
Пиши про белые стволы,
Не поднимая головы!
Теперь никто не моет шею,
Стихи читают и светлеют!

Олег Суздалев

ПРО КУЛЬТУРУ

С культурой тяжело в районе.
Какой там цирк, какой балет?
Крутили фильмы как-то, помню,
Театра и в помине нет.
 Когда о большем не мечтаешь,
 Суровой зимнею порой
 По щиколотки зарастаешь
 Подсолнечною шелухой
Все развлечения – сеем, пашем,
А если кто вообще не пьет?
Тут поневоле кто запляшет,
Кто нарисует, кто споет.
 Бывает выйдет некий клоун,
 Да на простор родных полей
 Такое там замутит шоу –
 В сторонке курит «дю Солей».
Не от судьбы, не от попойки
Чудит. Ты думаешь - сдурел?

Нет. Он не двинулся ни сколько,
Он просто творчески созрел.

Пусть через чур порою хватит,
Но серость будней превратит
В сплошное солнечное пати
Свой местечковый индивид.

А вот когда с вечерней дойки
Вернется женский коллектив,
Тогда уже и самый стойкий
Рванет рубаху на груди.

Что с точки зренья птичьей стаи,
Летящей к югу мимо нас,
Внизу так огненно мерцает?
А это мы пустились в пляс.